

Ю. Липперт

История культуры

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Ю11

Ю11 **Ю. Липперт**
История культуры / Ю. Липперт – М.: Книга по Требованию, 2017. – 402 с.

ISBN 978-5-519-18939-2

Репринтное издание по технологии print-on-demand с оригинала 1899 года.

ISBN 978-5-519-18939-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2017
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2017

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ОТДѢЛЪ I.

Забота о пропитаніи, одежда и жилище.

Исторія культуры есть исторія того труда, который поднялъ человечество изъ низменнаго и бѣдственнаго состоянія на занимаемую имъ теперь высоту.

Только благодаря суммѣ этого труда, человѣкъ главнымъ образомъ достигъ своего настоящаго положенія; правда, въ значительной степени онъ обязанъ этимъ возвышеніемъ своимъ природнымъ способностямъ, прослѣдить которыя до ихъ первоначальнаго появленія исторія культуры не въ состояніи. Силы человечества, сравнительно съ силами животнаго царства, незначительны и ограничены, но зато его способности могутъ развиваться безпредѣльно. Это-то и даетъ ему возможность возвыситься надъ животнымъ царствомъ. Большое разнообразіе мѣстныхъ условій жизни заставило человѣка испытать свои способности. Побужденіе къ тому онъ находилъ въ постепенномъ расширеніи своего мѣстопробыванія и въ тѣхъ медленныхъ измѣненіяхъ, которыя производили геологическіе перевороты даже въ предѣлахъ одной и той же мѣстности. О судьбѣ многочисленныхъ животныхъ породъ, подвергавшихся тѣмъ же измѣненіямъ, свидѣтельствуютъ ископаемые остатки «вымершихъ видовъ». Животныя, выросшія подъ болѣе теплымъ небомъ, не могли пережить подъ нашими широтами ледниковаго періода, точно такъ же, какъ и сѣверныя животныя не могли приспособиться къ климату, становившемуся все болѣе теплымъ; одинъ и тотъ же видъ животныхъ не могъ сначала питаться плодами пальмъ, а затѣмъ добывать себѣ пищу изъ ледяныхъ морей. Во время геологическихъ переворотовъ они по большей части вымерли, и новые виды возникали каждый разъ изъ видовъ, стоявшихъ на значительно низшей ступени животной лѣстницы. Но «ископаемый человѣкъ», какъ вымершій видъ, нигдѣ еще не былъ найденъ. Эти превращенія послужили для человѣка той школой, въ которой развивались его способности. Постоянное упражненіе въ достиженіи новыхъ цѣлей увеличивало силу просвѣтляющагося мышленія, и мысль человѣка одержала верхъ надъ враждебными силами природы, въ борьбѣ съ которыми погибли многіе виды животнаго царства. Прослѣдить этотъ процессъ въ его подробностяхъ и есть задача исторіи культуры.

Никакое умозрѣніе объ общихъ цѣляхъ культуры не могло указать человѣку путей для того труда, итогомъ котораго является современная культура. Эта работа началась гораздо раньше, чѣмъ человѣческая мысль могла объять ее во всей ея цѣлости. Многіе современные народы представляютъ тому самыя краснорѣчивыя доказательства. Побужденія къ человѣческой дѣятельности, повидимому, безконечно разнообразны и даже полны противорѣчій, но они всё сводятся къ заботѣ о поддержаніи жизни. Съ этой цѣлью природа заключаетъ союзъ между матерью и ребенкомъ; эта забота заставляетъ человѣка придумывать способы добыванія и приготовленія пищи, изобрѣтать орудія и инструменты, она же приводитъ его къ общественной организаціи, побуждаетъ къ развитію языка, просвѣтляетъ этимъ его духъ и со-

здаеть для его мыслей опредѣленные и строгія формы. Все предусматривающая забота о поддержаніи жизни создаетъ понятія и институты владѣнія, мира и права и въ нѣкоторой степени косвеннымъ образомъ понятіе о числахъ и новое вспомогательное средство — искусство письма. Она старается раскрыть причины явленій и, при помощи аналогій изъ прибрѣтеннаго запаса понятій, создаетъ представленіе о мірѣ духовъ, установленія культа и религиозныя понятія. Подобнаго рода работа служитъ могущественнымъ средствомъ къ развитію нормальнаго мышленія, и такимъ образомъ, благодаря наслѣдственности, духовныя силы человѣчества все растутъ. Мы назвали только нѣкоторыя изъ тѣхъ нитей, которыя образуютъ пеструю ткань культурной работы. Всѣ эти нити, не одна за другой, а одновременно и безконечно переплетаясь между собой, торопливо переносятся съ прыгающихъ веретенъ на ткацкіе станки. Но человѣческое искусство не въ силахъ представить общую картину этого движенія. Мы удовольствуемся тѣмъ, что прослѣдимъ одну нить за другой, предоставляя читателю постоянно вмѣстѣ въ виду одновременную дѣятельность всѣхъ частей механизма. Хотя, въ дѣйствительности, и матеріальная забота человѣка, до извѣстной степени, никогда не можетъ быть отдѣлена отъ духовной его дѣятельности, но мы и тутъ опять должны, ради удобства изложенія, раздѣлить одну нить на двѣ.

Такимъ образомъ въ первой части этого сочиненія мы коснемся развитія матеріальной культуры человѣчества во всѣхъ ея проявленіяхъ; во второй — прослѣдимъ исторію общественныхъ учрежденій; и, наконецъ, въ третьей — остановимся на образованіи языковъ и письменности, закончивши исторіей религіи и мифологіи.

Въ предлагаемой первой части мы начнемъ наше изслѣдованіе изложеніемъ заботы о «наущномъ хлѣбѣ», т. е. тѣмъ, съ чего, на самомъ дѣлѣ, началась работа человѣчества, и покажемъ, къ какимъ изобрѣтеніямъ и навыкамъ постепенно привела людей эта забота о поддержаніи жизни. Мы начинаемъ наше изложеніе съ самой существенной стороны исторіи человѣчества, — съ той ступени развитія, на которой въ настоящее время находятся самыя отсталыя племена земного шара, и доводимъ это изложеніе приблизительно до той высоты, которой человѣчество достигло въ средніе вѣка.

Наша точка зрѣнія не даетъ никакого основанія для отдѣленія «первобытной исторіи» отъ послѣдующихъ періодовъ, такъ какъ одни и тѣ же факторы дѣйствуютъ на протяженіи всей исторіи. Точно такъ-же расовыя и племенные отличія слишкомъ незначительны въ сравненіи съ общими импульсами человѣческой дѣятельности, чтобы вліять на раздѣленіе матеріала. Расовыя особенности чаще всего являются именно результатомъ разнообразія въ тѣхъ средствахъ, которыя природа давала отдѣльнымъ группамъ людей, стремившимся къ одной и той же цѣли — поддержанію жизни.

Разселеніе людей.

Путешественникъ Беккеръ обогатилъ литературу путешествій типомъ философа-дикаря, давъ намъ описаніе одного африканскаго предводителя Комморо. Этотъ чернокожій философъ отдавалъ предпочтеніе быку передъ человѣкомъ на томъ основаніи, что быкъ умѣетъ добывать себѣ вездѣ пищу, не *стя*, между тѣмъ какъ человѣкъ только путемъ значительныхъ усилій получаетъ все необходимое для своего пропитанія.

Въ этомъ разсужденіи вѣрно только одно, — что въ этой бѣльшей ограниченности и вмѣстѣ съ тѣмъ бѣльшей одаренности заключается основное различіе между

объими группами существъ ; здѣсь же кроется и главный стимулъ человѣческаго прогресса. Человѣкъ далеко уступаетъ жвачному животному въ его способности превращать почти всякую растительную пищу въ матеріалъ, годный для возстановленія потерь его организма. Ему недостаетъ также мышечной силы, прирожденнаго оружія и ловкости хищнаго звѣря, для того, чтобы, подобно ему, добывать себѣ пищу. Поэтому человѣкъ, будучи лишень всѣхъ этихъ способностей, часто подверженъ лишеніямъ.

Въ этомъ смыслѣ царственный философъ съ береговъ Нила, конечно, совершенно правъ. Однако, и не собираясь вовсе оспаривать его знаніе людей, нельзя не замѣтить, что свѣдѣнія его объ естественной исторіи быка отличающа неполнотой. И это животное, надѣленное отъ природы такимъ совершеннымъ пищеварительнымъ аппаратомъ, легко можетъ очутиться въ бѣдственномъ положеніи, вслѣдствіе недостатка пищи. Несомнѣнно, что африканскіе виды этого животнаго пережили подобную эпоху, когда, съ наступленіемъ нашего геологическаго періода, предѣлы африканской пустыни раздвинулись до настоящихъ ея границъ. Тѣ виды этихъ животныхъ, которые жили въ то время въ этой полосѣ, должны были погибнуть. Человѣкъ же отстоялъ свое существованіе какъ въ полярныхъ льдахъ, такъ и въ этой пустынѣ; лишennyй обычныхъ средствъ пропитанія, онъ придумалъ новыя способы для добыванія себѣ пищи и, хотя принужденный влачить бѣдственное существованіе, все-таки спасъ свой видъ отъ вымиранія.

Мы знаемъ изъ геологій, что такое пережѣщеніе климатическихъ поясовъ дѣйствительно происходило на земномъ шарѣ. Не менѣе достовѣренъ и тотъ фактъ, что родъ человѣческій былъ свидѣтелемъ подобныхъ переворотовъ, совершавшихся однако настолько медленно, что постепенныя измѣненія климатическихъ условій ускользали отъ вниманія отдѣльныхъ поколѣвій. Втеченіе подобныхъ геологическихъ и климатическихъ измѣненій особенно ярко проявляется та способность человѣка, благодаря которой онъ, очутившись въ совершенно измѣненныхъ жизненныхъ условіяхъ, отыскиваетъ новыя средства для поддержанія своего существованія, шагъ за шагомъ на этомъ пути подвигаясь впередъ. Но не всякій индивидуумъ, не всякая общественная группа или раса можетъ отстоять свое существованіе, переходя въ новыя условія, особенно, если такой переходъ совершается внезапно, какъ напр. при переселеніяхъ. Въ такихъ случаяхъ въ худшемъ положеніи окажутся тѣ, которые до сихъ поръ находились въ болѣе счастливыхъ жизненныхъ условіяхъ, потому что, именно благодаря этому, у нихъ не успѣли развиться въ достаточной степени навѣстная гибкость и умѣнье приспособляться.

Эта способность приспособляемости развивается только упражненіемъ, вслѣдствіе чего въ болѣе высокой степени обладаютъ ею тѣ, которые, живя на рубежѣ плодородныхъ странъ, должны были уже съ нѣкоторыми усиліями поддерживать свое существованіе. Но и независимо отъ геологическихъ переворотовъ, а только вслѣдствіе постепеннаго размноженія людей, они должны были доходить до этой черты и даже мало по малу расселяться все дальше и дальше за предѣлами ея. Это явленіе, по естественнымъ законамъ, должно было наступить скорѣе для обитателей тѣхъ мѣстностей, болѣе счастливыя естественныя условія которыхъ оказывались наиболѣе благоприятны для размноженія рода человѣческаго. Однако въ какомъ бы мѣстѣ нашей планеты мы ни представили себѣ такую счастливую страну, все же мы знаемъ, что тотъ рай не могъ простираться безпредѣльно. Обитатели, родившіеся на рубежѣ этого эдема, должны были увидѣть, что, при все увеличивающейся густотѣ населенія, легче вести борьбу противъ неблагоприятныхъ условій природы, чѣмъ про-

тивъ избытка населенія. Исторія указываетъ не мало фактовъ, могущихъ служить подтвержденіемъ этой мысли. На западномъ берегу Норвегіи условія для жизни гораздо болѣе благопріятны, чѣмъ въ безлѣсной Исландіи; однако, несмотря на это, уже съ конца IX вѣка начинается переселеніе туда норвежцевъ. Успѣвши уже испытать всю трудность борьбы за существованіе въ сѣверномъ климатѣ, они предпочли борьбу съ еще болѣе суровой и негостепріимной природой послѣдствіямъ скученности населенія на своей родинѣ. Потомки ихъ пошли еще дальше и отважились проникнуть на восточный ледяной берегъ Гренландіи, климатическія условія которой чуть ли не самыя худшія на земномъ шарѣ.

Заключенія, которыя вытекаютъ сами собой изъ этихъ предположеній, совпадаютъ со взглядами антропологовъ и съ историческими свидѣтельствами, относящимися къ самой глубокой древности. Отдѣльныя расы очень замѣтно отличаются между собой среднимъ ростомъ, отношеніемъ длины конечностей къ длинѣ туловища, строеніемъ лица и черепа, волосами и, если не самымъ существеннымъ, то зато самымъ рѣзкимъ образомъ, окраской кожи, представляющей всевозможные оттѣнки между бѣлымъ и чернымъ цвѣтомъ. Современная наука не считаетъ однако достаточно существеннымъ ни одинъ изъ этихъ отличительныхъ признаковъ и думаетъ, что всѣ они могли произойти, подъ вліяніемъ извѣстнаго климата и извѣстнаго образа жизни, изъ болѣе или менѣе случайныхъ тѣлесныхъ особенностей древнихъ обитателей земли. Въ тѣхъ семействахъ, гдѣ браки заключаются между близкими родственниками, часто можно замѣтить такіе отличительные признаки. Эта мысль можетъ показаться неправдоподобной только тому, кто станетъ сравнивать крайнія звенья цѣпи; напротивъ того, каждая раса представляетъ массу индивидуумовъ, которые въ одну или другую сторону настолько приближаются къ типу своихъ близкихъ родственниковъ, что опредѣленіе ихъ отличительныхъ признаковъ представляетъ затрудненіе даже для знатока этого дѣла.

Такимъ образомъ, если придерживаться взгляда о первоначальномъ единствѣ и постепенномъ видоизмѣненіи отдѣльныхъ вѣтвей, то придется предположить, что древнѣйшимъ мѣстопребываніемъ человѣческаго рода служило такое мѣсто на земномъ шарѣ, гдѣ плоды растутъ или росли въ дикомъ состояніи и въ такомъ изобиліи, которое давало возможность людямъ почти безъ всякаго труда поддерживать свою жизнь. И въ настоящее время на землѣ существуютъ такія мѣстности, поэтому естественно было-бы думать, что именно тамъ и находилась колыбель человечества, если-бы мы не знали, что человѣкъ оставилъ слѣды своего существованія на землѣ еще въ ту эпоху, когда геологическое строеніе и распредѣленіе климатовъ на земномъ шарѣ было совершенно иное. Но гдѣ бы ни находился этотъ счастливый поясъ, одно только мы знаемъ достоверно, что и въ предшествовавшемъ геологическомъ періодѣ человѣческой родъ перешелъ далеко за эти счастливые предѣлы.

Люди жили напр. и въ нашихъ широтахъ въ то время, когда ихъ климатическія условія были близки къ теперешнему климату Исландіи и Гренландіи. Вопросъ о томъ, очутились-ли они тамъ вслѣдствіе естественнаго перемѣщенія границъ распространенія человѣческаго рода, долженъ остаться открытымъ. Возможно вѣдь и то предположеніе, что это переселеніе произошло въ то время, когда въ нашихъ широтахъ росли древовидные папоротники. Потомъ, постепенно, неслышными шагами, приблизился ледниковый періодъ и заставилъ сына обратиться къ тѣмъ средствамъ самозащиты, которыя еще были неизвѣстны отцу. Можетъ быть, что, только благодаря накопившемуся такимъ образомъ понемногу запасу предусмотрительности и приспособляемости, немногіе, пережившіе наступленіе этого періода,

смогли продолжать свое существованіе въ ледяныхъ пустыняхъ и соперничать изъ-за пищи съ пещернымъ медвѣдемъ.

Впрочемъ, какъ-бы то ни было, несомнѣнно только то, что большая сумма навыковъ и предприимчивости для поддержанія жизни должна была явиться результатомъ не простыхъ и благопріятныхъ, а, наоборотъ, усложняющихся и неблагопріятныхъ жизненныхъ условій. Эти менѣе щедро надѣленные отъ природы страны служили для будущихъ народовъ той школой, въ которой росли и развивались ихъ способности и накаплился ихъ жизненный опытъ до тѣхъ поръ, пока они, такимъ образомъ закаленные въ трудъ и вооруженные знаніемъ, рѣшились проникнуть въ сосѣднія богатая страны съ большими шансами на успѣхъ, чѣмъ какой-нибудь единичный обитатель пограничной полосы, который отважился бы на подобную попытку. Разсматриваемое съ этой точки зрѣнія передвиженіе человѣчества можно было бы сравнить съ круговращеніемъ воды, которая, расширяясь отъ теплоты, направляется отъ экватора къ полюсамъ, гдѣ она, сжимаясь отъ холода, по опредѣленнымъ путямъ снова возвращается къ экватору. Первая половина этого кругового движенія совершалась во мракѣ до-историческихъ временъ, зато вторая половина его ясно обрисовывается при свѣтѣ исторіи. Какъ извѣстно, нашъ земной шаръ представляетъ собой сцену, только нѣсколько одностороннюю, на которой разыгрываются дѣйствія міровой исторіи. Но мѣсто дѣйствій, за небольшими исключеніями, сосредоточивается вокругъ сѣвернаго полюса; противоположная часть свѣта у южнаго полюса какъ бы для насъ не существуетъ. Вслѣдствіе этого обратное теченіе того кругового движенія человѣчества, первая часть котораго осталась для насъ невидимой, должно представляться намъ въ видѣ потока, стремящагося съ сѣвера къ югу.

Граница, отдѣляющая въ настоящее время темныя тропическія расы отъ свѣтлыхъ сѣверныхъ, не всегда была въ этомъ положеніи. Уже въ историческое время она передвинулась на всемъ своемъ протяженіи съ сѣвера на югъ; и теперь мы видимъ если не распространеніе на всемъ земномъ шарѣ, то, по крайней мѣрѣ, господство бѣлой расы. Жители Южной Африки, низкорослые, темнокожіе бушмены, лишенные всякой предусмотрительности и заботливости и представляющіе всѣмъ своимъ образомъ жизни вѣрный образчикъ полной некультурности, принимаются многими за остатки древняго населенія на черномъ материкѣ, оттѣсненнаго новыми пришельцами. Подтверженіемъ этого предположенія можетъ служить именно то обстоятельство, что до сихъ поръ еще можно встрѣтить разсѣянные въ разныхъ мѣстахъ Африки остатки этой маленькой расы. Нужно думать, что собственно негритянская раса, оттѣснивши готтентотовъ и бушменовъ къ южному берегу Африки, частью мало плодородному, частью совсѣмъ неплодному, распространилась по всей территоріи материка. На сѣверъ же, какъ показываютъ древнія изображенія египтянъ, у пороговъ Нила, непосредственно передъ воротами Египта, стоялъ первый *черный* эеіопъ. Сюда же, въ нижнюю долину Нила, по нильской дельтѣ проникла, очевидно съ сѣвера, раса съ *бронзовымъ* цвѣтомъ кожи и чертами лица, не представлявшими негритянского типа. Къ этой бронзовой расѣ принадлежатъ *египтяне*. Къ сѣверо-западу же отъ нихъ появились «ливійцы», этоть авангардъ бѣлой расы со смуглымъ цвѣтомъ кожи и голубыми глазами, по описанію древнихъ авторовъ. Съ того времени настоящая негритянская раса оттѣснена была далеко вглубь материка. Негры покинули предѣлы сѣверной пустыни, въ которой повсемѣстно господствуетъ смуглая вѣтвь бѣлой расы или еще болѣе смуглые, но не представляющіе негритянского типа, обитатели. Населеніе же съ бронзовымъ цвѣтомъ кожи рас-

пространилось далеко за предѣлы Нубіи, а съ восточнаго берега вглубь материка проникли смуглые арабы, принадлежащіе къ бѣлой расѣ.

Происходило ли нѣчто подобное въ Европѣ—весьма сомнительно; едвали тамъ когда-нибудь была распространена черная или бронзовая раса, если не считать финикійскихъ колоній. Что же касается Азіи, то относительно ея этотъ вопросъ можетъ быть рѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ. Какъ на берегу Персидскаго залива, такъ и у Средиземнаго моря подъ именемъ финикійцевъ былъ извѣстенъ народъ съ бронзовымъ или смуглымъ цвѣтомъ кожи, вслѣдъ за которымъ на мировую сцену выступили смуглые народы бѣлой расы—евреи и арабы. Далѣе къ востоку, у низовьевъ Тигра и Евфрата, мы находимъ, еще въ первоначальныя историческія времена, пограничную черту *черной* расы. Ее, отъ чего дѣло мало измѣняется, предлагали назвать «древней кушитской», такъ какъ Библия называетъ настоящихъ эііопявъ кушитами. Но и здѣсь эту расу постигла та же судьба, чтó и въ Африкѣ. Исторія показываетъ намъ, что съ сѣвера въ Азію проникли сумерійцы и аккады, принадлежащіе къ *желтой* расѣ, которые поступили съ чернокожими точно такъ же, какъ въ Африкѣ бронзовые и бѣлыя расы поступили съ ихъ собратьями.

Отсюда черная линія тянется черезъ всю Азію къ востоку до самаго моря, и вездѣ эта линія уже въ историческія времена отступала все дальше къ югу. На крайнемъ востокѣ еще и теперь подвигается впередъ желтая раса; на всѣхъ же остальныхъ пунктахъ побѣда осталась на сторонѣ бѣлыхъ. Такимъ же образомъ аккады, которыхъ причисляютъ къ туранцамъ, были побѣждены семитическими вавилонянами и ассирійцами, а надъ ними въ свою очередь одержали верхъ арійскіе персы. Послѣднимъ еще было извѣстно первоначальное черное населеніе, и въ вѣкоторой степени это знакомство отразилось на ихъ вѣрованіяхъ, по которымъ дьяволъ представлялся у нихъ чернымъ. Одинъ изъ отпрысковъ этой свѣтлой расы направился въ Индію, гдѣ до того времени всецѣло господствовала черная раса. Съ водвореніемъ же въ Индіи арійцевъ, чернокожіе отчасти смѣшались съ ними и составляютъ въ настоящее время низшую касту «цвѣтную», отчасти же, подобно бушменамъ въ Африкѣ, были отгѣснены въ отдаленную мѣстность, какъ напр. народъ дравидовъ. То же самое произошло также на южныхъ и восточныхъ группахъ острововъ Тихаго океана, гдѣ предприимчивые малайцы частью вытѣснили, частью подчинили себѣ болѣе темныя расы.

Америка же, какъ предполагаютъ, съ самаго начала была занята на всемъ протяженіи отъ сѣвера къ югу краснокожей расой. Только впоследствии еще сюда переселились эскимосы. Но и здѣсь въ предѣлахъ одной и той же расы происходили подобныя же передвиженія. Темная раса тропическихъ странъ, уступая болѣе свѣтлымъ, пришедшимъ съ сѣвера, въ жизненномъ опытѣ и знаніяхъ, накопленныхъ ими на своей родинѣ, имѣетъ зато въ сравненіи съ ними одно существенное преимущество, являющееся результатомъ переходящей черезъ длинный рядъ поколѣній приспособляемости къ климату. Бѣлые, переселяющіеся въ тропическія страны, лишены этой способности. Такъ напр., климатъ Остѣ-Индіи оказываетъ такое губительное вліяніе на живущихъ тамъ англичанъ и вообще европейцевъ, что имъ приходится для спасенія жизни своихъ дѣтей переселять ихъ въ другой климатъ отъ десятилѣтняго до двадцатилѣтняго возраста. Кромѣ того почти во всѣхъ тропическихъ странахъ, особенно же въ мѣстностяхъ, изобилующихъ водой и растительностью, свирѣпствуютъ губительныя лихорадки, смертельныя для бѣлыхъ, между тѣмъ какъ темныя расы совершенно не подвержены этому вредному вліянію. Какъ извѣстно, эта

невосприимчивость зависит от большого количества темных пигментных зеренъ, заложенныхъ въ мальпигиевомъ слоѣ кожи. Люди, переселившіеся изъ тропическихъ странъ въ болѣе умѣренный климатъ, легко и безъ всякаго вреда для себя могли обойтись безъ этого сомнительнаго украшенія; для тѣхъ же, которые остались подъ тропиками, оно составляло необходимое условіе для сохраненія ихъ жизни. Мы видимъ, что существуютъ естественные предѣлы для отгѣсненія черной расы, но расширеніе владычества или протектората надъ нею не зависитъ отъ этихъ предѣловъ.

Это великое передвиженіе человѣчества, если можно сравнивать малое съ великимъ, во многомъ напоминаетъ хорошо извѣстное намъ образованіе нѣкоторыхъ государствъ. Древній Египетъ, какъ показываютъ научныя изслѣдованія, тоже началъ свою, столь знаменитую впоследствии, исторію мирнымъ счастливымъ существованіемъ нѣсколькихъ маленькихъ племенъ на плодородныхъ островкахъ, лежащихъ въ устьѣ Нила. Тѣ же, которые жили ввѣ черты этого земного рая, тѣ, которые роковымъ образомъ отгѣснялись къ предѣламъ пустыни, всего менѣе пользовались естественными благами счастливой природы. Будучи брошены въ болѣе суровыя условія жизни, они должны были создать себѣ столь маняшія ихъ къ себѣ блага. Для достиженія этой цѣли требовалась, съ одной стороны, организованная работа для извлеченія изъ почвы тѣхъ выгодъ, которыя имъ доставлялись обыкновенно самой природой, съ другой стороны,—дѣятельный отпоръ противъ набѣговъ племенъ, обитающихъ въ пустынѣ. И именно отсюда, изъ областей Геліополя и Мемфиса, вышли первые повелители надъ всѣмъ народомъ, населявшимъ благословенную нижнюю долину Нила. Египтяне, обитатели «черной» земли, называли эти неплодородныя области, находившіяся на рубежѣ пустыни, «красной» землей. Нѣмцы назвали бы ихъ «марками» или «маркграфствами». Господство надъ Египтомъ почти всегда исходило изъ этихъ областей. Всегда изъ такихъ областей, впоследствии напр. изъ Фивской и Эѳіопской, выходила та дисциплинированная сила, которая организовала трудъ въ болѣе плодородныхъ и ранѣе занятыхъ областяхъ. Точно такимъ же образомъ и Германія нѣкогда управлялась юго-восточнымъ маркграфствомъ, и теперь она воздвигла себѣ новую столицу на территории сѣверо-восточнаго маркграфства. Во всѣхъ этихъ явленіяхъ, какъ крупныхъ, такъ и мелкихъ, мы видимъ одинъ и тотъ же могущественный рычагъ—нужду и благотворный трудъ, побѣждающій ее. Этотъ двигатель проходитъ черезъ всю исторію культуры отъ начала до конца.

Пропитаніе въ первобытныя времена и преданіе объ употребленіи молока.

Вопросъ о томъ, какого рода пища употреблялась первобытнымъ человѣчествомъ, легко можетъ быть поставленъ въ томъ смыслѣ, какъ его понимаетъ современный «вегетаріанизмъ». При такой постановкѣ вопроса найдется не мало фактовъ для разрѣшенія его въ смыслѣ ученія вегетаріанцевъ. Но, какъ мы увидимъ ниже, подобное рѣшеніе вопроса было бы одностороннимъ и неправильнымъ. Нѣкоторые представляютъ себѣ первобытныя времена, какъ пріятную идиллію, и думаютъ, что младенческому періоду жизни человѣчества всего болѣе соотвѣтствуетъ употребленіе въ пищу молока; это и отвѣчало бы вполне природѣ. Къ сожалѣнію, человѣчество никогда не могло сообразоваться съ подобными требованіями; оно принуждено было пользоваться тѣмъ, что представлялось ему, и для человѣчества характерно именно

то, что оно пользовалось самымъ разнообразнымъ матеріаломъ для достиженія одной и той же цѣли. Эта-то способность приспособляться къ самымъ различнымъ родамъ пищи, съ одинаковой легкостью переваривать растительную и животную пищу, то комбинируя оба эти разряда пищевыхъ веществъ, то, въ случаѣ надобности, обходясь однимъ изъ нихъ, сослужила человѣчеству великую службу.

Пищеварительные органы человѣка, правда, не представляютъ такого устройства, при которомъ переходъ отъ одного рода пищи къ другому обходился бы безъ всякихъ послѣдствій для его организма. Но именно въ разнообразныхъ измѣненіяхъ, явившихся благодаря этому, и кроются тѣ успѣхи, которые позволили человѣчеству побѣдоносно распространиться по все бѣльшимъ и бѣльшимъ территориямъ. Поэтический вымыселъ, въ противоположность исторической истинѣ, утверждаетъ, что первую пищу первобытнаго человѣка составляло молоко животныхъ. Это мнѣніе совершенно неправильно; наоборотъ, употребленіе въ пищу молока животныхъ относится къ сравнительно позднему періоду человѣческой культуры, и только часть человѣчества дошла до него. Повидимому, мысль о томъ, чтобы перенести кормленіе молокомъ ребенка съ его матери на животное, была бы какъ нельзя болѣе проста и естественна, но неприрученное животное должно было оказывать сопротивленіе подобнымъ попыткамъ со стороны человѣка. Древній римскій мифъ о волчицѣ, вскормившей Ромула и Рема, есть уже продуктъ извѣстной степени развитія культуры и не даетъ никакой точки опоры для сужденія о первобытной жизни. Даже послѣ того какъ люди достигли умѣнья приручать животныхъ, имъ нужно было еще много времени для того, чтобы научиться доенію и въ особенности сохраненію сладкаго молока. Зулусы съ полнымъ правомъ могутъ быть причислены къ самымъ лучшимъ скотоводамъ черной расы, но до настоящаго времени они не далеко ушли впередъ въ искусствѣ доенія. Они доятъ животныхъ слѣдующимъ образомъ: отсасываютъ молоко ртомъ и затѣмъ выпускаютъ его въ сосудъ, предназначенный для собиранія молока. Получаемое такимъ образомъ и, къ тому еще, сохраняемое всего чаще въ кожаныхъ мѣхахъ, оно очень короткое время остается въ свѣжемъ состояніи и быстро прокисаетъ. Такое молоко конечно не особенно охотно употребляется въ пищу. Каффы совершенно отказываются отъ употребленія его; и даже больше. — они пьютъ только сыворотку, но не простоквашу. По обычаямъ сосѣдняго съ каффрами племени Амаклоза, употребленіе въ пищу сладкаго молока строжайше воспрещается всѣмъ вышедшимъ изъ дѣтскаго возраста. Этотъ обычай въ большей или меньшей степени распространенъ среди всѣхъ народовъ Южной Африки, у которыхъ процвѣтаетъ скотоводство; только среди ничѣмъ не брезгающихъ готтентотовъ не только дѣти, но и взрослые пьютъ сладкое молоко. Ливингстонъ рассказываетъ, что, посѣтивши предводителя племени Муази въ Казунгу, къ западу отъ озера Ніасси, онъ увидѣлъ у него великолѣпныя стада бизоновъ, доитъ которыхъ однако никому не приходило въ голову. Но и въ сѣверо-западной части Африки, напр. у племени Бамбара, живущаго по берегамъ Нигера, до недавняго времени еще соблюдался старій обычай, не допускавшій употребленія въ пищу молока. Предразсудокъ, распространенный еще съ древнихъ временъ по всему матеріку, не позволяетъ заключить, чтобы когда-либо молоко, какъ пищевое вещество, играло существенную роль въ Африкѣ. Наоборотъ, все указываетъ на то, что среди населенія существовалъ взглядъ, по которому веденіе молочнаго хозяйства вредно отзывается на животныхъ; очевидно, что скотъ держали не для полученія молока. Во всей Восточной Африкѣ кипяченіе молока считается недозволеннымъ и преступнымъ, такъ какъ это вредно отражается на коровѣ. На томъ же